

На переломе — эпизод 10 из 27

С хлопанием открываются и закрываются пюпитры, увязываются веревками книги и тетради, которые нужно взять с собою, а ненужные, как попало, швыряются и втискиваются в ящик.

Молитва кончена. Двадцать человек летят сломя голову к дверям, едва не сбивая с ног преподавателя, который с снисходительной, но несколько боязливой улыбкой жмет к стене. Из всех четырех отделений одновременно вырываются эти живые, неудержимые потоки, сливаются, перемешиваются, и сотня мальчишек мчится, как стадо молодых здоровых животных, выпущенных из тесных клеток на волю...

Прибежать в спальню, надеть мундир, шинель и кепи, разложенные Четухой заранее по кроватям отпускных, дело одной минуты. Теперь остается пойти в дежурную, где уже сидят все четыре воспитателя, и явиться Петуху.

Господин капитан, честь имею...

А почему у вас пуговицы не почищены?

Ах, эти проклятые пуговицы! Опять нужно бежать в спальню, оттуда в умывалку. Там на доске всегда лежат два больших красных кирпича.

Буланин быстро и крепко трет их один о другой, потом обмакивает мякоть ладони в порошок и так торопливо чистит пуговицы, что обжигает на руке кожу. Большой палец делается черным от меди и кирпича, но мыться некогда, можно и после успеть...

Господин капитан, честь имею явиться. Воспитанник первого класса, второго отделения, Бу...

А-а! Почистились? Хорошо-с. А за вами пришли или прислали кого-нибудь?

О господи, опять ожидание вот мука!

В чайную залу, примыкающую к дежурной, то и дело выходят снизу из приемной дядьки и громогласно вызывают воспитанников:

Свергин, Егоров, пожалуйста, за вами приехали; Бахтинский в приемную!

Неужели обо мне забыли дома? шепчет в тревоге Буланин, но тотчас же пугается своей мысли. Нет, нет, этого быть не может: мама знает, мама сама соскучилась... Ну, вот, идет снова дядька... Теперь уж наверно меня.

Сердце Буланина от ожидания бьется в груди до боли.

За Лампарёвым приехали, возвещает дядька равнодушным голосом, и это равнодушие кажется Буланину оскорбительным, почти умышленным.

Это он нарочно так... видит ведь, как мне неприятно, и нарочно делает.

Наконец нервное напряжение начинает ослабевать. Его заменяют усталость и скука. В шинели становится жарко, воротник давит шею, крючки режут

горло... Хочется сесть и сидеть, не поворачивая головы, точно на вокзале. Все кончено, все кончено, с горечью думает Буланин, я самый несчастный мальчик в мире, всеми забытый и никому не нужный...

Досадные слезы просятся на глаза. Дядька выкликивает все новые и новые фамилии, но появление его уже не вызывает нетерпеливого подъема всех чувств: Буланин смотрит на него мутными, неподвижными и злобными глазами.

И вот, как это всегда бывает, если ждешь чего-нибудь особенно страстно, в ту самую минуту, когда Буланин уже собирается идти в спальню, чтобы снять отпускную форму, когда в его душе подымается тяжелая, удручающая злость против всего мира: против Петуха, против Грузова, против батюшки, даже против матери, в эту самую минуту дядька, от которого Буланин нарочно отворачивается, кричит на всю залу:

За Буланиным приехали! Просят поскорее одеваться!

И уж на этот раз голос дядьки кажется Буланину не умышленно равнодушным, а веселым, сочувственным, даже радостным.

Перед каждым уроком горнист или барабанщик играл сбор, а после урока отбой. (Прим. автора.)

Триумф Буланина. Герои гимназии. Пари. Мальчишка-сапожник. Честь. Опять герои. Фотография. Уныние. Несколько нежных сцен. На шарап! Куча мала! Возмездие. Попрошайки.

Отпуск был великолепен. Кепи, надетое набекрень, и черная военная шинель внакидку привлекали на улице всеобщее внимание. Все, положительно все: и те, что ехали на извозчиках, и пешеходы, и пассажиры конок с почтительным любопытством и радостным изумлением глядели на Буланина (во всяком случае, ему так казалось). В их взглядах он каждый раз читал безмолвное восклицание: Посмотрите, посмотрите военный гимназист!.. Удивительно такой молодой и уже носит военный мундир. Ведь у них, говорят, ужасная строгость, и даже учат маршировать с настоящими ружьями.

Дома, перед младшей сестрой, а в особенности перед восьмилетним Васенькой, Буланин старательно выдерживал внешнее достоинство и несколько суровый тон молодчинищи-старичка.

Когда Васенька, прельщенный видом золотых галунов, хотел их потрогать немного пальцем, старший брат заметил ему недовольным басом:

Отстань! Чего лезешь? Испортишь мундир, а мне после достанется.

Каптенармус нового ни за что не выдаст.

Эти новые технические слова, вроде как каптенармус, ранжир, правый фланг, горнист и тому подобные, он особенно часто, иной раз без всякого повода, но с очень небрежным видом вставлял в свои разговор, чем Зина и Васенька были

окончательно подавлены. Он рассказал им также и про Грузова, и про его изумительную силу (ведь вечер воскресенья был еще так далеко!), и понятно, что в доверчивых, поработанных умах слушателей фигура Грузова приняла размеры какого-то мифического чудовища, чего-то вроде Соловья Разбойника, с такими вот чуть ли не с человеческую голову величиной кулаками.

Это что еще! продолжал Буланин удивлять свою маленькую аудиторию, и без того вытаращившую глазенки и разинувшую рты. Это еще что-о! А вот у нас есть воспитанник Солянка, его, собственно, фамилия Красногорский, но у нас его прозвали Солянкой, так он однажды на пари съел десять булок.

Понимаете ли, малыши: десять французских булок! И ничем не запивал! А? Десять булок! повторили шепотом малыши и переглянулись почти в ужасе. Да, и выиграл пари. А другой Трофимов поспорил на двадцать завтраков, что он три недели ничего не будет есть... И не ел... Ни одного кусочка не ел.

Буланин в сущности только лишь слегка преувеличивал цифры в своих поразительных рассказах. Подобные пари были в гимназической жизни явлением обычным и предпринимались исключительно из молодечества. Один спорил, что он в течение двух дней напишет все числа от 1 до 1000000, другой брался выкурить, подряд и непременно затягиваясь всей грудью, пятнадцать папирос, третий ел сырую рыбу или улиток и пил чернила, четвертый хвастал, что продержит руку над лампой, пока досчитает до тридцати....